

КОЛЧИН Д. С.
Информационное агентство URA.RU

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЖА-ЖЕРТВЫ В ЖУРНАЛИСТСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ О БЕСЛАНСКОМ ТЕРАКТЕ (2019 — 2020)

Аннотация: в тексте рассмотрено, как формировались образы персонажей-жертв в материалах российских СМИ, посвященных бесланскому теракту и опубликованных в 2019 – 2020 гг. Определено, на какие группы они подразделяются, чем характеризуются и в каких условиях действуют.

Ключевые слова: дискурс, анализ, СМИ, Беслан, теракт, война, Северный Кавказ, терроризм, заложники, спецоперации.

KOLCHIN D. S.

PRACTICES OF CONSTRUCTING A VICTIM CHARACTER IN JOURNALISTIC PUBLICATIONS ABOUT THE BESLAN TERRORIST ATTACK (2019-2020)

Abstract: The text examines how the images of the victim characters were formed in the materials of the Russian media devoted to the Beslan terrorist attack and published in 2019-2020. It is determined which groups they are divided into, what they are characterized by, and under what conditions they operate.

Keywords: discourse, analysis, mass media, Beslan, terrorist attack, war, North Caucasus, terrorism, hostages, special operations.

В декабре 2019-го исполнилось 15 лет со дня массового захвата заложников в Северной Осетии. Отряд кавказских боевиков 1 сентября 2004-го занял школу № 1 в городке Беслан, расположенном недалеко от границы с Ингушетией, взяв в плен больше 1000 человек — педагогов, детей и их родственников. Через два дня школа была взята штурмом. Погибли 336 человек. В том числе — 186 несовершеннолетних и 10 бойцов спецназа. В данной статье с применением метода дискурс-анализа производится исследование того, как в российских печатных СМИ спустя 15-16 лет после трагедии конструировались образы жертв теракта.

Актуальность выбранной темы в научном смысле обусловлена тем, что в последние годы в отечественном исследовательском сообществе востребовано изучение повседневных дискурсивных практик в СМИ, формирования образов различных персонажей, действующих, в частности, в условиях тех или иных конфликтов. Ранее над этой темой работали такие исследователи медиатекстов, как Е. И. Шейгал, Э. В. Чепкина, Н. А. Купина, Л. В. Енина, О. Ф. Автохутдинова.

Объектом исследования являются материалы российских печатных СМИ и их онлайн-версий, вышедшие в 2019-2020 гг. и посвященные теме Беслана. Это разножанровые тексты в изданиях «Лента.ру», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Российская газета», «Медуза», «Аргументы и факты», «Взгляд», «Кавказский узел», «Кавказ реалии».

Предмет исследования — конкретные практики конструирования образов жертв теракта.

Методологически исследование опирается на дискурс-анализ, который дополняется контекстологическим, сопоставительным и лингвостилистическим подходами.

Научная ценность работы заключается в том, что мы впервые описываем, как сформировались в российских СМИ образы жертв бесланской драмы к ее 15-летней годовщине, когда страсти в обществе поутихли и появилась возможность попытаться посмотреть на проблему отстраненно.

Что касается практик конструирования персонажей, то, рассмотрев выбранные материалы, мы можем выделить три их разновидности. Во-первых, зачастую образы бывших заложников используются в рамках воспоминаний о произошедшем. Например: *«Я помню одну девочку, которая оттуда выбежала. Она первым делом побежала не к родителям, а схватила бутылку воды и начала пить. До такого состояния довели детей! Я считаю, что жители Осетии, которые с оружием в руках лезли туда, готовые умереть, совершили большую ошибку. Потому что одно дело — спецназовцы, а другое — очумевшие от боли и страдания родители»* (Родители с оружием в руках лезли туда, готовые умереть // Лента.ру, 2020. 03 сент.).

Второй способ — актуальный рассказ о судьбе конкретных пострадавших: *«Подростки, вдруг притихшие, проходят вдоль стен, разглядывают фотографии детей и взрослых, ставших жертвами теракта. Ко мне подходит девочка-подросток и тихо спрашивает: “А где дочь Марины? Покажите”. Я веду ее к той стене, откуда с фотографии на нас смотрит лицо Светы. Света улыбается. Девочка рядом со мной плачет. Потом она подходит к Марине и обнимает ее»* (Брошены и забыты // Коммерсант, 2019. 03 сент.).

Третий — когда про заложников мельком вспоминают в рамках идеологических оценок теракта: *«Кроме того, с тем же упорством, с каким Юрий Дудь мучил собеседников вопросами про гомосексуальные контакты, сейчас он спрашивает: “Должно ли государство договариваться с террористами ради спасения людей?”. И снова акценты расставлены так, что ни у кого не остается сомнений: государство не договорилось с боевиками, устроило штурм, в результате которого погибли 333 человека, из них 186 детей»* (Беслан. Помни. Двойное дно фильма Юрия Дудя // Аргументы и факты. 2019. 06 сент.).

Нередко цитируются конкретные персонажи-жертвы: *«Аслану Есенову было 14 лет в момент теракта. В 2004 году он пошел в девятый класс и вместе со своими одноклассниками был в заложниках. По словам Аслана, физические последствия теракта его сейчас мало беспокоят. “У меня была трещина в кисти, но это мелочь совсем”, — сказал он»* (Государство устранилось от поддержки жертв теракта в Беслане // Кавказский узел, 2019. 20 сент.).

В остальных же случаях, когда речь идет о реконструкции или интерпретации событий теракта, образы жертв и их родственников описываются обобщенно: «Помню, как родители подбегали к помощнику главы республики Льву Дзугаеву и возмущенно говорили: “Зачем ты врешь, там не 120 и не 300 человек, там больше 900”. У женщин были на руках списки людей из школы, и их количество перевалило за полторы тысячи. Он ответил, что эти 124 подтверждены, остальные нет. Родители просили встречи с руководством республики, силовиками, чтобы им пояснили, что происходит. Их просили успокоиться, так как они нервнируют обстановку» (Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба // Медуза. 2019. 01 сент.).

В рассмотренных материалах можно выделить три группы персонажей-жертв: выжившие заложники, члены семей выживших или погибших заложников, свидетели теракта. Представители всех групп, спустя 15-16 лет после теракта, достаточно востребованы в медиа.

«Лариса какое-то время лежала без сознания, и что происходило вокруг, не помнит. Потом ее заметили и вытащили. В больнице Беслана ее не узнал знакомый врач, который был близким другом семьи, — потому что от лица у нее осталась только половина. По дороге в клинику во Владикавказе она два раза умирала в “скорой”. Ее чудом довели. Но в суматохе перепутали фамилию, и до 5 сентября она числилась среди погибших» (Я два раза умирала в скорой // Российская газета. 2020. 03 сент.). Образ выживших подается через рассказ об их травматическом опыте. Далее обычно повествуется о том, как они живут на момент написания журналистского текста: *«Лариса Кудзиева пришла с шестилетним сыном Зауром и дочерью Мадиной, учившейся тогда на третьем курсе университета. Когда уже после взрыва в спортзале один из боевиков бросил гранату в заложников, Лариса закрыла собой детей, и они не пострадали. Сама же она... Потребовалось 16 лет и 31 операция, чтобы восстановить здоровье»* (там же).

По аналогичной схеме формируются образы родственников заложников. *«15 лет назад, 1 сентября, Света ушла в школу, а потом вдруг вернулась домой: “Мам, пойдем со мной на линейку”. Они жили вдвоем, и Марина всегда была рядом с дочерью. Но в тот день ей нужно было идти на курсы, которые она уже оплатила. И она не смогла пойти в школу. Уходя, Света перекрестила ее. Больше они не встретились»* (Брошены и забыты // Коммерсант. 2019 03 сент.). И далее: *«Марина много лет вместе с женщинами из комитета “Матери Беслана” помогает пострадавшим. Благодаря ей самые отчаявшиеся нашли надежду. Кто-то нашел себя в общественной работе комитета бесланских матерей, кто-то стал ходить в церковь, кого-то просто нужно выслушать, и для этого можно прийти в комитет»* (там же).

Образ свидетелей, в частности — работавших в Беслане репортеров, создается через их воспоминания. Например, с помощью рассказов о психологических и физиологических последствиях пережитого: *«Когда все закончилось, город перестал быть молчаливым: воцарился нечеловеческий душераздирающий вой. Он не прекращался всю неделю похорон. Никогда — ни до, ни после — так не рыдала... После Беслана у меня началась идиопатическая крапивница: когда вдруг распухает ступня, или кисть, или глаз целиком отекает. И по ночам повторялся*

один и тот же сон, про горящую школу. Страшнее, чем Беслан, в моей жизни ничего не было» (Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба // Медуза. 2019. 01 сент.).

Журналистов, как правило, не принято включать в число персонажей-жертв. Но на мой взгляд, учитывая то, какой отпечаток на них накладывают наблюдаемые события, это можно сделать.

Подводя итог изложенному, можно сказать, что мы рассмотрели то, каким образом формировались образы персонажей-жертв в журналистских материалах, посвященных 15-16-летию бесланского теракта, вышедших, соответственно, в 2019-м — 2020-м гг. Мы пришли к выводу, что через полтора десятка лет после трагедии в российских СМИ устоялись три способа подачи данных персонажей: общее воспоминание, рассказ о той или иной конкретной личности, воспоминание вскользь на фоне конфликта с идеологическими оппонентами.